

Цена Исбврс

Абд аль-Вахид Ибрахим

(АЛЖИР)

Рисунки В. Герасева

То, о чем я тебе сейчас расскажу, произошло около тринадцати лет назад. Мне шел тогда пятнадцатый год. Ежегодно в период летних каникул я и семеро моих сверстников возвращались из города в нашу деревню, приютившуюся на склоне горы.

В городе мы учились в школе второй ступени. Эту школу я никогда не забуду — с детских лет она научила меня ненависти и заставила испытать горечь угнетения и унижений в те дни, когда моя душа более чем когда-либо была готова радоваться жизни.

Но это уже другая история.

В то лето мы, как обычно, приехали в свою деревню, чтобы хоть на время забыть о тяжелых обидах несправедливости.

Я и мои приятели целыми днями бесцельно ходили от одного к другому до тех пор, пока местом наших постоянных встреч не стала лавка, принадлежавшая родственнику одного из нас. Здесь мы собирались и вели нескончаемые беседы о школьной жизни, о тиранстве надзирателей, о кичливости и самодурстве учителей.

Так продолжалось до тех пор, пока нашим вниманием не завладела одна животрепещущая проблема. Мы часто возвращались к ней

в наших беседах, и однажды Мавлюд сказал:

— Клянусь аллахом, дело гораздо серьезнее, чем его представляют. Народ, происходящий из недр арабского мира, от арабских пророков,

имеющий арабскую письменность, братья которого говорят и пишут по-арабски, не знает арабского алфавита! Третья часть наших соотечественников не понимает даже значения арабских слов. И если вы заговорите с каким-либо арабом — не алжирцем, не ждите, что он вас легко поймет.

Мы нахмурились и опустили глаза, как будто на нас легла вся тяжесть позора.

А Мавлюд продолжал говорить таким тоном, словно был убежден в безвыходности положения.

— В этом нет нашей вины, нам запрещено! Разве есть какой-либо выход, который мы не используем?

И тут подал голос хозяин лавки:

— Ах, я вспомнил... есть один человек! Сказать вам о нем?

— Кто это? — хором спросили мы.

Хозяин строго посмотрел на нас и заговорил:

— Знаете ли вы Мансура, который живет неподалеку от источника?

Мы утвердительно кивнули.

— А знаете ли вы его сына, который недавно вернулся из Каира?

Мы вопросительно уставились на него.

— Конечно, — продолжал он, — вы не можете его знать. Десять лет назад, когда он уехал учиться в Тунис, вы были совсем маленькими. А теперь он вернулся большим шейхом. Он имеет аттестат университета аз-Зайгуна. Он помнит наизусть весь коран. Он в совершенстве знает арабский язык! Что, если вы пойдете к нему и попросите его заниматься с вами во время каникул?

Мы жадно слушали его и, едва он кончил,

воскликнули в один голос: «Наконец-то вопрос разрешился!»

И вопрос действительно разрешился. Шейх согласился безвозмездно обучать нас арабскому языку, богословию и толкованию сур (стихов) корана.

Мы стали искать подходящее место для занятий, и лавочник посоветовал нам собираться в небольшой заброшенной мечети. Однако теперь возникла другая, правда, не столь уж серьезная проблема: пол мечети ничем не был покрыт, нужно было приобрести ковер, чтобы сидеть на нем.

Мы договорились, что для покупки ковра каждый из нас внесет 25 сантимов. В те времена эта сумма была для нас довольно большой.

Я пошел к отцу, чтобы объяснить ему положение дел. Он улыбнулся, вынул из кармана монету и протянул ее мне, пожелав успеха.

Ковер был куплен, и уроки начались.

Нетрудно понять, с каким энтузиазмом мы посещали их.

* * *

Неделю спустя во время занятий к нам вошел правительственный чиновник. Мы изумленно уставились на него, но он, не обратив на нас никакого внимания, решительно заявил шейху:

— Господин комиссар приглашает вас к себе.

Шейх с беспокойством взглянул на нас и попросил позволения отложить занятия до завтра. Никто из нас не нашел слов для ответа... Все сидели в безмолвии до тех пор, пока не вышли шейх и его провожатый. Тогда мы так же молча встали, и каждый отправился к себе домой с чувством глубокого беспокойства.

Вечером, когда я стелил себе постель, в комнату вошел мой отец, вернувшийся из кафе, где он проводил обычно вечерние часы. Он был, очевидно, чем-то взволнован, глаза его смотрели печально. Но прежде чем я успел спросить его о новостях, он отвел взгляд в сторону и сказал с горечью:

— Шейх в тюрьме!

— Что?! — невольно вскричал я.

— Ведется следствие. Они забрали ковер и все книги, которые нашли, и сожгли их. Они сказали, что ваши собрания не способствуют отдыху. И что ваш вид напоминает заговорщиков.

В эту ночь я не мог заснуть и до утра слушал, как отец ворочался в соседней комнате, вздыхая и кашляя.

Шейх был арестован надолго. Наши занятия прекратились. Встречаясь, мы молча смотрели друг на друга глазами, полными тоски и беспокойства.

* * *

Однажды вечером, вернувшись, как обычно, из кафе, отец, улыбаясь, посмотрел на меня. Я вопросительно взглянул на него, но он, опередив меня, сказал:

— Его выпустили сегодня вечером.

Я с криком бросился к нему:

— Кого?! Шейха?!

— Да... Они не смогли представить доказательства, чтобы обвинить его в подстрекательстве к мятежу и тому подобных вещах. И сейчас они ограничились только предупреждением, что он один будет нести ответственность, если возникнут какие-либо беспорядки. Это будет расцениваться ими как следствие его незаконных занятий.

— Однако, отец, мы не слышали от шейха ничего, что подстрекало бы к нарушению порядка, и я не понимаю...

— Поймешь, сынок. Сейчас ты еще мал, а потом поймешь, что все это только уловки, чтобы запугать вас, уничтожить у вас желание учиться арабскому языку, так как он несет в себе заразу, заразу болезни «национального духа», которого они боятся, от которого ждут всяких неприятностей.

Отец помолчал немного, затем опустил руку в карман, вынул оттуда белую монетку и, протянув ее мне, сказал:

— Вот 25 сантимов — твоя доля для покупки нового ковра.

Я взял монету и взглянул ему в лицо. Он улыбнулся, положил свою огрубелую руку мне на плечо, ласково привлек меня к себе и сказал с нежностью в голосе:

— Купите новый ковер... продолжайте свои занятия... не отчаивайтесь... Аллах поможет вам!

Он повернулся и ушел в свою комнату.

Перевел с арабского Герман Лебедев

